

РАЗНОРЕЧИЕ В ОБРАЩЕНИИ К АНТРОПОНИМАМ В РУССКОЙ ГОМИЛЕТИКЕ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ*

Константин Шаров

Институт биологии развития им. Н. К. Кольцова РАН,
Москва, Россия

CONTRADICTIONS IN ANTHROPONYMS IN RUSSIAN HOMILETICS OF THE TRANSITION PERIOD

Konstantin Sharov

Koltsov Institute of Developmental Biology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article examines the place and role of anthroponyms in Russian spiritual literature between the late seventeenth and eighteenth centuries. The author studies anthroponymicons from different authors, providing classifications of anthroponyms and the number and character of anthroponyms in their works. The formation and peculiarities of the use of anthroponymic proper names in Russian spiritual literature reveals two main tendencies. The first (southwestern) is connected with writers whose works are close to those of Stefan Yavorsky and Dimitry of Rostov. The other (northern) is reflected in works by Feofan Prokopovich, Platon Levshin, and their followers. According to the author, the first tradition is characterised by the extensive use of anthroponyms in texts, a hidden meaning of anthroponyms, the scarce use of simple naming, the absence of charactonyms, and an extensive use of antonomasia and symbolism. It is also characterised by an extensive use of detached anthroponyms to express the authors' attitude to people, events, and objects. The other tradition is characterised by a considerably smaller number of anthroponyms (from 7 instances in Feofan's works to 21 in those by Platon). Additionally, the authors do not use the implied meaning

---

* *Citation*: Sharov, K. (2020). Contradictions in Anthroponyms in Russian Homiletics of the Transition Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1157–1171. DOI 10.15826/qr.2020.4.519.

Цитирование: Sharov K. Contradictions in Anthroponyms in Russian Homiletics of the Transition Period // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1157–1171. DOI 10.15826/qr.2020.4.519 / Шаров К. Разноречие в обращении к антропонимам в русской гомилетике переходного времени // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1157–1171. DOI 10.15826/qr.2020.4.519.

of anthroponyms in their texts; their texts contain charactonyms and rarely use antonomasia and symbolism. They mostly use anthroponyms as markers of quality and as parts of idioms. The southwestern tradition is connected with a sacral and mystical understanding of human names originating from the Catholic Hermetic literature of the Renaissance. The northern tradition, on the contrary, is closely connected with Lutheranism, where a human name is treated as purely rational. Therefore, this approach does not imply any mystery when interpreting anthroponyms and or suggest piety when anthroponyms are used to name people, objects, and processes.

Keywords: anthroponyms; Russian spiritual literature; homiletics; preachers; transition period.

Рассматривается вопрос о месте и роли антропонимов в русской духовной литературе конца XVII – XVIII в. Изучаются антропонимиконы нескольких авторов, классификация антропонимов, количество и характер встречаемости антропонимов в их произведениях. Анализ формирования и особенностей основных вариантов использования антропонимических имен собственных в русской духовной литературе выявил две тенденции. Первая (юго-западная) связана с писателями, близкими линии Стефана Яворского и Дмитрия Ростовского. Вторая (северная) нашла выражение в сочинениях Феофана Прокоповича, Платона Левшина и их сторонников. По мнению автора, основными чертами использования антропонимов в рамках первой традиции являются следующие: большое количество антропонимов в текстах произведений; скрытый смысл основной части антропонимов, редкое использование простого обозначения; практически полное отсутствие говорящих имен; широкое использование антономасии и символизма; самый излюбленный прием – использование обособленных антропонимов для выражения собственного отношения авторов к людям, событиям, объектам. Основные черты второй традиции: общее количество антропонимов намного меньше, чем в юго-западной традиции (от семи раз у Феофана до 21 раза у Платона); скрытый смысл антропонимов используется редко; появление «говорящих» имен; редкое использование антономасии и символизма; преимущественное использование антропонимов как маркеров качества в составе крылатых фраз. Юго-западная традиция связана с сакрально-мистическим пониманием имени человека, пришедшим из католико-герменевтической литературы Ренессанса. Северная традиция использования антропонимов в русской духовной литературе тесно связана с лютеранством, где имя человека понимается сугубо рационально; в этом подходе нет никакой мистики в трактовке сущности антропонима, но вместе с тем нет и пиетета перед использованием антропонимов в наименованиях людей, объектов, процессов.

Ключевые слова: антропонимы; русская духовная литература конца XVII – XVIII в.; гомилетика; проповедники; переходное время.

Сие учение, яко никоеже иное,
вечнующее творит имя.
Стефан Яворский

Русская духовная литература в конце XVII – XVIII в. испытывает расцвет: расширяется ее тематика, обновляется стиль, формируются законы и правила [Флоровский, с. 384]. Художественная гомилетика проникает во многие жанры. Под художественной гомилетикой понимаем неканоническую прозаическую и поэтическую гомилетику, направленную не на чтение проповедей пастве с амвона, а на литературное творчество. Особенности художественной гомилетики исследованы в основном для католического богословия, в то время как православная поэтическая проповедь остается периферической темой литературоведения [Дергачева-Скоп, Соболева, с. 193–195; Ковалева, с. 63; Соболева, Голендухина, с. 46–47; Хомук, с. 95–96; Лебедева, с. 41; Legach, p. 7–8; Жилякова, с. 68]. В данной статье характеризуется творчество, попадающее во временной период 1680–1790 гг. (от святителя Дмитрия Ростовского и до митрополита Московского Платона (Левшина)). После Платона духовная литература станет более строгой по форме и содержанию, более аскетичной по характеру, особенно в творчестве Филарета, митрополита Московского.

Вопрос об антропонимике как в русской духовной литературе, так и в литературе Восточной Европы XVII–XVIII вв. интересен, но исследован мало [Ковалева, с. 62–63; Ковальчук, Якубовска, с. 91–93; Мангилев, Соболева, с. 81; Christodoulou, p. 124, 127–128; Ivanič, p. 134–135; Taneski, p. 144–145]. С конца XVII в. в гомилетике наметились две тенденции: символизация и филологическое осмысление антропонимических имен собственных. Первая, связанная с Дмитрием Ростовским, митрополитом Стефаном Яворским и Феофилактом Лопатинским, это широкое включение антропонимов в духовные проповеди. Вторая тенденция противоположна. Ее активно развивал Феофан Прокопович, далее – Гedeон Криновский, а логического завершения она достигла у митрополита Платона во времена императрицы Екатерины. Согласно этим церковным писателям, антропонимика представлялась одной из наименее существенных составляющих литературной гомилетики; в этой традиции везде, где возможно, имена собственные заменялись на имена нарицательные или вовсе опускались; обилие и разнообразие прилагательных либо вытесняли антропонимы на далекую периферию произведения, либо в принципе исключали их из текста [Шаров, 2019а; Шаров, 2019б].

Две этих стратегии использования антропонимов соперничали друг с другом на протяжении всего описываемого периода. Они породили принципиально отличающиеся подходы в литературной и устной гомилетике. Проповеди написаны на языках, находивших-

ся в этот период в сложных взаимоотношениях: на церковнославянском позднего периода, зарождавшемся русском литературном языке, а также на западнорусском языке – «руської мові», которая близка древнебелорусскому, русинскому и литературному украинскому языкам [Алимов; Ломакина, Мокиенко; Ничик; Паскаль; Петрикова, Плишкова; Старикова].

Влияние католической и протестантской традиций на антропонимы

У истоков «антропонимического» направления русской духовной литературы стоит святитель Дмитрий Ростовский, а «антиантропонимической» тенденции – архиепископ Феофан (Прокопович). Тем не менее, эти писатели сами не изобрели данное отношение к антропонимике: на них, безусловно, повлияли предшествующие традиции, в которых постепенно закладывались различные подходы к композиции литературных духовных произведений. Одна из этих традиций была тесно связана с католическими гомилетическими приемами и восходила к Жану Бодену, а другая – с методами и принципами протестантской гомилетики, включая англиканскую, ее основы можно найти в трудах епископа Майлза Смита из Хартфорда.

Архиепископ Феофан (Прокопович), как бы ни относились к нему современники или церковные иерархи последующих времен¹, был одним из первых русских просветителей и талантливым литератором [Чистович, с. 15–22]. Всецело поддерживая императора Петра I в его задаче перенесения европейского опыта технических и научных достижений на российскую почву, архиепископ Феофан также переносил в Россию религиозно-литературный опыт, адаптируя его к отечественным реалиям [Смирнов, с. 14, 30]. Не случайно совпадение интересов Петра и Феофана к одним и тем же странам – государствам Скандинавии, Голландии, Пруссии, северогерманским княжествам, Англии. Архиепископ Феофан видел в протестантизме своего рода прививку как от старорусской патриархальности, включая старообрядчество, так и от сильного католического влияния на православную церковь [Корзо, с. 266–267; Самарин, с. 391, 395].

Это влияние исходило из Речи Посполитой и одинаково беспокоило как императора Петра, так и Феофана, которые усматривали в распространении католического влияния в западных областях Российской империи угрозу повторения Смутного времени или Флорентийской унии [Кочеткова, с. 61, 70–71; Gnes, p. 7]. Так, архиепископ, всячески сопротивляясь католикам-полякам, наказывает, чтобы пра-

---

¹ Отрицательное отношение к Феофану закрепилось в основном за некритичную поддержку им церковной реформы Петра I, упразднившей сложившуюся в XVI–XVII вв. административную систему Русской православной церкви, и в том числе патриаршество, за оппортунизм, коварство, заискивание перед властью. Протоиерей Г. В. Флоровский, например, называл Феофана «человеком жутким», «типичным наемником» и «авантюристом» [Флоровский, с. 106–107].

вославный проповедник «казнодеишеков легкомысленных, каковы наипаче Полские бывают, не чел бы» [цит. по: Zubov, с. 15].

Становится понятен скепсис Феофана в отношении использования имен собственных, относящихся к людям. У немецких лютеран, которые были для него во многом образцами литературного жанра, ономастиконы, и особенно антропонимиконы, всегда скупы; эти авторы никогда не осмыслили антропонимы как некую сакральную реальность; имена людей для них – это просто имена, безо всякого мистического или религиозного смысла [Киселева].

Митрополит Московский Платон (Левшин), живший уже спустя полвека после Феофана, как литератор сходным образом чувствовал определенную симпатию к протестантским писателям, особенно к англиканским авторам [Zubov, с. 72, 76–77]. Конечно, Платон не был вторым по времени после Феофана приверженцем протестантского влияния на православную литературу (между ними были епископ Геден Криновский, учитель и главный наставник Платона, или архиепископ Симон Тодорский, учившийся в протестантском университете в Галле).

Митрополит Платон, один из наиболее выдающихся церковных писателей XVIII в., по сути, открыл для православного богословия англиканскую церковно-писательскую традицию и был первым предстоятелем православной церкви, вступившей в межконфессиональное общение с церковью Англии. Антитеза католическому влиянию на русскую духовную литературу объединила первоиерарха русской церкви и английских авторов-богословов. Митрополит Платон, хотя и составил для университетов Оксфорда и Глазго переведенное на английский язык послание, в котором подчеркивал истинность восточного православия и важность изучения российской церковно-литературной традиции для английских писателей-теологов [Виноградов, с. 13], тем не менее, сам позаимствовал из англиканской духовной литературы очень много композиционных и содержательных особенностей, которые неоднократно использовал в собственных сочинениях [Розанов, с. 71].

Платон, где возможно, избегает антропонимов, а когда их использует, но делает это сугубо в прямом смысле. Если мы в встречаем в его текстах антропоним, он чаще всего означает исключительно описываемую личность, безо всяких скрытых смыслов. Если мы видим слово *Соломон*, это означает наименование израильского царя Соломона, если *Юлий Цезарь* – римского диктатора Юлия Цезаря. У Феофана (в большинстве случаев) и у Платона (почти всегда) имена людей – это в большей степени не сильно нагруженные смыслами знаки, а знаки обычные, обозначающие сам предмет, о котором в произведении ведется речь. И даже там, где это представляется им возможным и допустимым со стилистической точки зрения, они подменяют антропонимы именами нарицательными. Хотя это может быть риторической фигурой, и ее употребление может быть вызвано сверхзадачей текста, а не только стремлением избежать имени собственного.

В литературных творениях иерархов Русской православной церкви Феофана Прокоповича, Гедеона Криновского, Арсения Мацеевича, Амвросия Зертис-Каменского, а в наибольшей степени Платона мы сталкиваемся с подчас избыточной рационализацией, лежащей на слова и трансформирующейся во фразы [Зубов, с. 74–75]. Подобно тому, как протестантские авторы зачастую отвергали интуитивную, эмоционально-образную, ассоциативную составляющую литературных проповедей, так и вышеупомянутые православные иерархи подозрительно, а иногда и недоброжелательно относились к темам озарения, откровения, ангелологии, демонологии, мира невидимого, что было излюбленной тематикой католического богословия как того времени, так и более ранних эпох [Gluchman, p. 64–65; Kocsev et al., p. 90]. Эта нелюбовь ко всему, что не поддавалось протестантскому рациональному осмыслению, привела к тому, что антропонимы стали вытесняться в произведениях Феофана и Платона, уступая место использованию прилагательных и сравнений, повсеместной апеллятивной подмене [Пекарский, т. 1, с. 102, 105, 122–124; Пигарев, Фридлендер, с. 364].

Сложносочиненные обороты с обилием антропонимических имен собственных, характерные для Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского, стали заменяться на сложноподчиненные с редкими вставками антропонимов, чем отличались лютеранские писатели-богословы Иоганн Герхард, Иоганн Андреас Квенштедт, Иоганн Фридрих Кениг [Сазонова, гл. 5]. Если немецкие протестантские авторы Давид Холлац и Готлоб Карпцов сильно повлияли на использование антропонимов Феофаном [Морозов, с. 226], то на Платона не менее существенное литературное и философское влияние в данном контексте оказали англиканские проповеди Уильяма Бевериджа, Томаса Уилсона и Генри Сашеверела, а также католические идеи Джеффри Чосера [Промогласов, с. 24]. Все они избегают большого количества онимов, используя их в основном лишь для прямого обозначения [Петров, с. 52].

Использование антропонимов для обозначения людей

Безусловно, все четыре изучаемых нами автора зачастую обыкновенным образом используют антропонимы в качестве инструментов простого обозначения. Однако любопытно, насколько часто они это делают. Имена людей, о которых пишут Дмитрий Ростовский и Стефан Яворский, включают древние и современные варианты, и западные, и восточные. Когда Стефан Яворский в «Слове во святую и великую неделю Пасхи» пишет о сравнении случаев великой радости в ветхозаветные времена и пасхальной радости, он сгущает антропонимы в тексте [см.: Стефан Яворский, 2014, с. 28].

Произведения Феофана и Платона – это антитеза западнорусской традиции; они удивительны тем, что содержат мало антропонимов, даже используемых в прямом смысле. И Феофан, и Платон словно обходят стороной имена, нарочно избегают их. Например, Феофан, цитируя различных апостолов, никогда не пишет конкретные имена,

а говорит лишь *апостол* [см., например: Феофан, архиеп. Новгородский, ч. 1, с. 40–64, 90–102].

Общее количество антропонимов у Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского различно по сравнению с их использованием оппонентами даже с учетом факта обращения к различным текстам одного автора. Проанализировав частотность употребления антропонимов на основании 80 произведений, по 20 письменных проповедей каждого из четырех авторов, можно убедиться в высказанном предположении. Средняя частота встречаемости антропонимов такова: у Дмитрия – 4,44 на 100 слов, у Стефана – 4,10, у Феофана – 0,65, и у Платона – 0,25. Таким образом, Дмитрий Ростовский и Стефан Яворский используют антропонимы в среднем в семь раз чаще, чем архиепископ Феофан, и в 21 раз чаще, чем митрополит Платон. Сочинения привлекались методом случайной выборки из разных периодов литературной деятельности исследуемых авторов. При этом больше половины используемых Стефаном Яворским и Дмитрием Ростовским антропонимов содержат много уровней скрытых смыслов.

Феофан Прокопович употребляет антропонимы чаще для простого обозначения, при этом очень неравномерно: в некоторых произведениях их много, и они могут стоять все вместе на одной-двух страницах, а в некоторых нет вообще. Например, в «Слове о мире между Империею Российскою и Короною Шведскою» Феофан пишет о царевне Софье несколько страниц и ни разу не упоминает ее имени [Феофан, архиеп. Новгородский, ч. 2, с. 224].

У митрополита Платона антропонимов еще меньше, чем у Феофана (в среднем один на две страницы текста); но онимов вообще у Платона очень много, большая часть из них – теонимы, мифонимы, зоонимы, этнонимы, топонимы, астронимы, космонимы, гидронимы, и их суммарное количество даже превосходит количество онимов, используемых юго-западными авторами Дмитрием и Стефаном. Для Платона подсчет в нашей случайной выборке дает процентное значение использования антропонимов в множестве онимов $\approx 0,08$.

Платон – представитель сентиментального направления в русской духовной литературе, что частично объясняет его несклонность к широкому использованию имен людей: для митрополита названия земель, стран, географических объектов, природных явлений более важны и интересны, чем древние и современные ему антропонимиконны. В «Слове на День Сретения» Платон использует имя *Симеон* только дважды, но более чем 20 раз в общей сложности употребляет апеллятивы *старец*, *муж*, *мудрец*, *праведник*! Антропонимы – не стихия сентименталиста Платона; подчас описание природы для него важнее образа человека [см.: Платон, архиеп., т. 11, с. 298; т. 13, с. 158]. Зрелость литературной и проповеднической деятельности митрополита Платона приходится на эпоху расцвета сентиментализма. Восторг перед пасторальными картинами природы – один из знаков искусства сентиментализма [см., например: Платон, архиеп., т. 3, с. 278–279].

Антропонимы как говорящие имена

Нельзя сказать, что в литературе барокко говорящие имена не используются вообще; наоборот, именно барокко XVII в. явило миру расцвет использования говорящих антропонимов. Однако Дмитрий Ростовский и Стефан Яворский уходят от него, возможно, считая его слишком низким приемом. Оба они – литературные эстеты, им чуждо любое приземление слова [Пекарский, т. 1, с. 114]. Использование говорящих имен – слишком очевидный трюк, не заставляющий читателей рассуждать, докапываясь до истинного смысла имени, и поэтому этот прием не созвучен авторам. Возможно, эти церковные писатели, унаследовав мистическое понимание имени, считали конструирование говорящих имен разрушением его сакральности, своего рода профанацией реальности, созданной Богом.

Архиепископ Феофан не избегал в своих сочинениях говорящих антропонимов. В трагикомедии «Владимир» Феофан, наряду с историческими личностями, вводит в повествование вымышленных персонажей с характерными именами. Отрицательную группу составляют языческие жрецы («жрецы») *Жеривол*, *Курояд*, *Пиар* (*Пеяр*). Эти имена образованы от низкобытовых глаголов *пить*, *есть* и *жрать*, что подчеркивает следующее: это люди неумеренные, склонные к чревоугодию; жрецы приносят жертвы трем бесам, и каждый нечистый дух действует через своего жреца. Положительные герои с говорящими именами – это *Мечислав* и *Храбрый*. Четыре имени собственных выдуманы Феофаном и не встречались в Древней Руси X в., а имя *Мечислав* использовалось в домонгольский период крайне редко.

У Платона говорящих имен нет, проповедник избегает что-либо искусственно *конструировать*, он лишь *описывает* и *комментирует*. Однако митрополит лишен священного трепета, который испытывали по отношению к антропонимам Дмитрий и Стефан – для рационалистического ума Платона католико-герметическая вера в сверхъестественность имени человека сродни магии и оккультизму. Можно было бы возразить, что дело не в личностной литературной манере Платона, а в его принадлежности сентиментализму, который в целом чужд традиции говорящих имен, в отличие от барокко и особенно от классицизма [см., например: Надежина]. Однако не все так просто: например, учитель митрополита Платона епископ Гедеон (Криновский), типичный классицист в литературе, любивший использовать античные мифы и сказания в своих письменных проповедях, тем не менее, так же, как и его ученик, подозрителен к антропонимам и совершенно не использует говорящие имена, а классицизм в целом как литературная эпоха к говорящим именам дружественен [Donskikh, 2018, p. 412; Donskikh, 2019, p. 728]. В своем сочинении «О Сократе и его ученике, выходящем из подозрительного дому» Гедеон, используя типичный для античного философа Платона – другого Платона! – сюжет, тем не менее, донельзя скуп на имена: он включает антропонимы в текст в 18 раз реже самого философа Платона и выбирает все говорящие имена, которые использовал античный мыслитель.

Автономасия и символы в использовании антропонимов

Автономасия в виде замены имен нарицательных антропонимами – постоянно используемая техника у Дмитрия и Стефана, редко используемая – у Феофана, и исключительно редкая – у Платона. Один из немногих примеров использования прономинации у Феофана встречаем в «Слове в день св. благоверного князя Александра Невского» (1718): автор подставляет антропонимы *Виктория* (вместо понятия «победа») и *Квинтии и Фабрикии* (вместо собирательного понятия «диктаторы»). Символизм наименования как филологический прием у Феофана еще более редок; около 95 % символических приемов, им используемых, относятся только и исключительно к Петру I.

В качестве и символичной подмены, и прономинации архиепископ не стесняется применять замену имени *Петр* на *Христос*. Стефан Яворский не мог простить Феофану такой вольности и указывал на богословскую неприемлемость называния *Христом* кого-либо, кроме истинного Иисуса Христа [Стефан Яворский, 2017, с. 205], что, впрочем, не останавливало Феофана от использования излюбленного им приема. В «Слове на погребение Петра» архиепископ называет почившего императора ветхозаветными именами, он использует их в качестве символов: Петр становится одновременно *Сампсоном*, *Иафетом*, *Моисеем*, *Соломоном*, *Давидом*. К ним же Феофан добавляет и крестителя Римской империи *Константина*. В «Слове на похвалу блаженных памяти Петра Великого» автор вновь дает первому российскому императору имена знаменитых иудейских царей Давида и Соломона, добавляя к ним еще и имена первых римских царей: «Нам и *Ромул*, и *Нума*, и *Давид*, и *Соломон* – един Петр» [Феофан Прокопович, с. 137]. Чуть дальше Петр I уже принимает имена великих полководцев, и называются Феофаном *Ксеркс*, *Александр Великий*, *Иулий Кесарь* [Там же, с. 142].

Все это примеры символизма в антропонимике архиепископа. Император Петр Великий для своего верного сподвижника – фигура исключительная, особая, описание которой также требует особых литературных приемов. Больше ни одно лицо никогда не удостоивалось от Феофана столь высокой чести; например, даже Екатерину I, ставшую императрицей, архиепископ в сочинениях почти никогда не называет по имени, не говоря уже о полном отсутствии использования по отношению к ней символических антропонимов или прономинаций [Буранок, с. 68–69; Ничик, с. 40].

В русской духовной литературе конца XVII – начала XIX в. мы наблюдаем две явно различающихся тенденции относительно использования антропонимов. Первая представлена западнорусским направлением церковно-литературной деятельности Русской православной церкви; она была подготовлена в XVII в. трудами Петра Могилы, Иоанникия Голятовского, Иннокентия Гизеля, Лазаря Барановича, Антония Радивиловского, Симеона Полоцкого, а также католического автора Фомы Млодзяновского, но ярче всего проявилась в сочинении

ях Димитрия, митрополита Ростовского, и местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского; также в ее русле написаны многие литературные труды Феофилакта Лопатинского. В этой традиции антропоним обладает особой надфеноменальной сущностью: он не может быть профанирован или искусственно сконструирован и метафизическим, сверхъестественным образом характеризует то или иное лицо. Здесь присутствует сакрально-мистическое понимание человеческого имени: в этой традиции знать имя человека – значит обладать определенной властью над ним, а дать имя равносильно тому, чтобы установить некий сеньор-вассальный характер отношений между дающим имя и получающим его.

Вторая, московская (северная) традиция умеренного использования антропонимов в первую очередь связана с именами таких великих церковных писателей, как Феофан Прокопович, Гедеон Криновский и Платон Левшин, но к ней также примыкают Арсений Мацеевич, Иларион Григорович и Амвросий Зертис-Каменский. В ней антропоним понимается сугубо рационально; в этом подходе нет никакой мистики в трактовке сущности понятия, но вместе с тем нет и сугубого пиетета перед использованием антропонимов. Стратегия рационального использования антропонимов оказалась связанной с классицизмом и сентиментализмом в духовной литературе. Она постепенно сформировала рационалистическое течение в русской литературной гомилетике, отдающее предпочтение использованию тропарей и развернутых молитв в текстах проповедей, в которых имя чаще всего является простым денотатором и не обладает никакой сверхприродной сущностью.

Нельзя сказать, что та или иная традиция использования антропонимов одержала победу в русской духовной литературе; обе традиции сильно обогатили литературную художественную гомилетику и способствовали ее бурному развитию в XIX столетии.

Список литературы

Алимов Д. Е. Между миграционизмом и автохтонизмом: вопрос происхождения русинов Закарпатья в дискурсивном пространстве национального нарратива // Русин. 2017. № 4 (50). С. 179–197. DOI 10.17223/18572685/50/12.

Буранок О. М. Ораторская проза Феофана Прокоповича и русский историко-литературный процесс первой трети XVIII века. Самара : НТЦ, 2002. 192 с.

Виноградов В. П. Наследие митрополита Платона в истории Московской духовной академии. Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1914. 26 с.

Громогласов И. Новое исследование о московском митрополите Платоне. М. : Изд. Имп. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1907. 32 с.

Дергачева-Скоп Е. И., Соболева Л. С. Маленькая заметка о большом недоразумении, или Был ли свт. Филофей (Лещинский) автором «Сибирского лествичника»? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 1 (25). С. 193–200. DOI 10.21638/11701/spbu19.2019.114.

Жиликова Е. М. Образ «полевого цветка» в эстетике и творчестве раннего Ф. М. Достоевского : (К проблеме: Ф. М. Достоевский и Оноре де Бальзак) // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 67–89. DOI 10.17223/24099554/12/4.

- Зубов В. П. Русские проповедники. М. : УРСС, 2001. 232 с.
- Киселева Л. Н. Проблемы конструирования и изучения эстонско-русского культурного пространства // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 5–16. DOI 10.17223/24099554/9/1.
- Ковалева Т. В. Традиции создания духовно-нравственной литературы XVIII века // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер 6: Политология. Международные отношения. 2014. № 2. С. 61–69.
- Ковальчук Н., Якубовска В. Апостольская миссия святых Кирилла и Мефодия в контексте развития феномена слова в украинской культуре // Konštatívne listy. Vol. 11. 2018. No. 2. P. 87–97. DOI 10.17846/CL.2018.11.2.87-97.
- Корзо М. А. Катехетические сочинения Феофана Прокоповича // Славянский альманах. 2013. М. : Индрик, 2014. С. 263–280.
- Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л. : Наука, 1974. С. 50–80.
- Лебедева О. В. Европейская драматургия как дидактический материал: Мольер и Гольдони на уроках русского языка великой княгини Александры Федоровны // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 38–52. DOI 10.17223/24099554/11/2.
- Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. DOI 10.17223/18572685/54/18.
- Мангилев П. И., прот., Соболева Л. С. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История : материалы II Всерос. науч.-богослов. конф. Екатеринбург : Екатеринбург. духов. семинария, 2014. С. 134–144.
- Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1880. 403 с.
- Надежжина А. Митрополит Московский Платон Левшин как проповедник. Казань : Центр. тип., 1891. 404 с.
- Ничик В. М. Феофан Прокопович. М. : Мысль, 1977. 192 с.
- Паскаль А. Д. Неизвестное апокрифическое сочинение «Сказание Соломона како ясти во вся дни» в славяно-молдавской книжности XV–XVI вв. // Русин. 2018. № 4 (54). С. 13–32. DOI 10.17223/18572685/54/2.
- Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. СПб. : Изд-во Т-ва «Обществ. польза», 1862. Т. 1. [8], VI, 578 с.
- Петрикова А., Плишкова А. Анализ словообразовательных способов и типов в русинском языке // Русин. 2019. № 55. С. 353–370. DOI 10.17223/18572685/55/18.
- Петров Л. А. Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Иркутск : Иркутск. кн. изд-во, 1957. 88 с.
- Пигарев К. В., Фридендер Г. М. Феофан Прокопович // История всемирной литературы : в 9 т. М. : Наука, 1988. Т. 5. С. 363–365.
- Платон, архиеп. Поучительные слова святейшего правительствующего Синода члена, преосвященнейшего Платона, архиепископа Московского и Калужского, и Святотроицкого Сергиевы Лавры священно-архимандрита проповеданные : в 13 т. М. : Тип. Мейера, 1774–1792.
- Розанов Н. П. Московский митрополит Платон (1737–1812 г.). СПб. : О-во ревнителей рус. ист. просвещения, 1913. 99 с.
- Сазонова Л. И. Литературная культура России : Раннее Новое время. М. : Языки славян. культур, 2006. 896 с.
- Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю. Ф. Соч. : в 12 т. М. : Д. Самарин, 1880. Т. 5. 464 с.
- Смирнов В. Г. Феофан Прокопович. М. : Соратник, 1994. 224 с.
- Соболева Л. С., Голендихина М. А. Полифония самоидентичности в «Житии» протопопа Аввакума // Сиб. филол. журн. 2019. № 4. С. 46–60. DOI 10.17223/18137083/69/5.

Старикова Г. Н. Номо Лоуэна в зеркале имен народной культуры (на материале русского и русинского языков) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 140–157. DOI 10.17223/18572685/48/10.

Стефан Яворский, митр. Сочинения. Саратов : Науч. кн., 2014. 510 с.

Стефан Яворский, митр. Неизданные сочинения. Саратов : Науч. кн., 2017. 480 с.

Феофан Прокопович. Сочинения. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 503 с.

Феофан, архиеп. Новгородский. Слова и речи поучительные, похвальные и похвалительные : в 4 ч. СПб. : Сухопут. шляхет. кадет. корпус, 1760–1765.

Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. Минск : Изд-во Белорус. экзархата, 2006. 608 с.

Хомук Н. В. Барочная стратегия репрезентации «кавказского текста» в романе В. Т. Нарезного «Черный год, или Горские князья» // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 90–112. DOI 10.17223/24099554/12/5.

Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1868. 752 с.

Шаров К. С. Сакрализация имен в богословских традициях Восточной Европы второй половины XVII – начала XVIII веков // Konstantinove Listy. Vol. 12. 2019a. No. 1. P. 129–140. DOI 10.17846/CL.2019.12.1.129-140.

Шаров К. С. Мифологическая обусловленность понимания имен собственных как лингвокультурных знаков в западнорусской литературной гомилетике конца XVII века // Русин. 2019б. № 56. С. 126–148. DOI 10.17223/18572685/56/8.

Christodoulou G. L'intellectualité orthodoxe turcophone et son rôle précurseur à la renaissance de la Philocalie au XVIIIe siècle // Konstantinove Listy. Vol. 10. 2017. No. 1. P. 121–139. DOI 10.17846/CL.2017.10.1.121-139.

Donskikh O. A. Splitting Concepts: Steps of Reflection // Schole. Vol. 12. 2018. No. 2. P. 402–425.

Donskikh O. A. Poetry as the Beginning of Philosophy and Science // Schole. Vol. 13. 2019. No. 2. P. 716–732.

Gluchman V. Kresťanstvo a morálka v stredoeurópskej politike 9. storočia // Konstantinove Listy. Vol. 10. 2017. No. 2. P. 62–74. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.62-74.

Gnes A. Festival Culture as a Means of Preserving Vital Differences in the Ideologically Equalised World // The Beacon: J. for Studying Ideologies and Mental Dimensions. Vol. 2. 2019. No. 2. P. 1–14. DOI 10.5281/zenodo.3732777.

Ivanič P. Všeľad Jozef Gajdoš a výskum chorvátsko-hlaholských pamiatok // Konstantinove Listy. Vol. 10. 2017. No. 2. P. 133–140. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.133-140.

Kocev P., Kondrla P., Králik R., Roubalová M. Sv. Kliment Ochridský a jeho pôsobenie v Macedónsku // Konstantinove Listy. Vol. 10. 2017. No. 2. P. 88–97. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.88-97.

Legach E. I. St Archbishop Luke Wojno-Jasieniecki against the Ideology of Separating Science and Religion // The Beacon: J. for Studying Ideologies and Mental Dimensions. Vol. 1. 2018. No. 2. P. 1–16. DOI 10.5281/zenodo.3733798.

Taneski M. Epos cirillo-metodiada v peripetiách literárnohistorickej recepcie // Konstantinove Listy. Vol. 11. 2018. No. 2. P. 143–150. DOI 10.17846/CL.2018.11.2.143-150.

References

Alimov, D. E. (2017). Mezhdru migratsionizmom i avtokhtonizmom: vopros proiskhozhdeniya rusinov Zakarpat'ya v diskursivnom prostranstve natsional'nogo narrativa [Between Migrationism and Autochtonism: On the Origin of Transcarpathian Rusins in the Discursive Space of the National Narrative]. In *Rusin*. No. 4 (50), pp. 179–197. DOI 10.17223/18572685/50/12.

Buranok, O. M. (2002). *Oratorskaya proza Feofana Prokopovicha i russkii istoriko-literaturnyi protsess pervoi treti XVIII veka* [The Oratorical Prose of Feofan Prokopovich and the Russian Historical and Literary Process of the First Third of the 18th Century]. Samara, NTTs. 192 p.

Chistovich, I. A. (1868). *Feofan Prokopovich i ego vremya* [Feofan Prokopovich and His Times]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. 752 p.

Christodoulou, G. (2017). L'intellectualité orthodoxe turcophone et son rôle précurseur à la renaissance de la Philocalie au XVIIIe siècle. In *Konstantinove Listy*. Vol. 10. No. 1, pp. 121–139. DOI 10.17846/CL.2017.10.1.121-139.

Dergacheva-Skop, E. I., Soboleva, L. S. (2019). Malen'kaya zametka o bol'shom nedorazumenii, ili Byl li svt. Filofei (Leshchinskii) avtorom "Sibirskogo lestvichnika"? [A Small Note about a Big Misunderstanding, or Whether Saint Filofei (Leshchinsky) was the Author of *Sibirskij Lestvichnik*]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. No. 1 (25), pp. 193–200. DOI 10.21638/11701/spbu19.2019.114.

Donskikh, O. A. (2018). Splitting Concepts: Steps of Reflection. In *Schole*. Vol. 12. No. 2, pp. 402–425.

Donskikh, O. A. (2019). Poetry as the Beginning of Philosophy and Science. In *Schole*. Vol. 13. No. 2, pp. 716–732.

Florovskii, G. V., archpriest. (2006). *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian Theology]. Minsk, Izdatel'stvo Belorusskogo Ekzarkhata. 608 p.

Gluchman, V. (2017). Krest'anstvo a morálka v stredoeurópskej politike 9. storočia. In *Konstantinove Listy*. Vol. 10. No. 2, pp. 62–74. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.62-74.

Gnes, A. (2019). Festival Culture as a Means of Preserving Vital Differences in the Ideologically Equalised World. In *The Beacon: J. for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. Vol. 2. No. 2, pp. 1–14. DOI 10.5281/zenodo.3732777.

Gromoglasov, I. (1907). *Novoe issledovanie o moskovskom mitropolite Platone* [New Research on Moscow Metropolitan Platon]. Moscow, Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. 32 p.

Ivanič, P. (2017). Vševlad Jozef Gajdoš a výskum chorvátsko-hlaholských pamiatok. In *Konstantinove Listy*. Vol. 10. No. 2, pp. 133–140. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.133-140.

Khomuk, N. V. (2019). Barochnaya strategiya reprezentatsii "kavkazskogo teksta" v romane V. T. Narezhnogo "Chernyi god, ili Gorskije knyaz'ya" [The Baroque Strategy of Representing the "Caucasian Text" in the Novel by V. T. Narezhny *Black Year, or the Mountain Princes*]. In *Imagologiya i komparativistika*. No. 12, pp. 90–112. DOI 10.17223/24099554/12/5.

Kisseljova, L. N. (2018). Problemy konstruirovaniya i izucheniya estonsko-russkogo kul'turnogo prostranstva [The Problems of Designing and Studying the Estonian-Russian Cultural Space]. In *Imagologiya i komparativistika*. No. 9, pp. 5–16. DOI 10.17223/24099554/9/1.

Kocev, P., Kondrla, P., Králik, R., Roubalová, M. (2017). Sv. Kliment Ochridský a jeho pôsobenie v Macedónsku. In *Konstantinove Listy*. Vol. 10. No. 2, pp. 88–97. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.88-97.

Kochetkova, N. D. (1974). Oratorskaya proza Feofana Prokopovicha i puti formirovaniya literatury klassitsizma [Feofan Prokopovich's Elocutionary Prose and Classicist Literature Formation]. In *Problemy literaturnogo razvitiya v Rossii pervoi chetverti XVIII veka*. Leningrad, Nauka, pp. 50–80.

Korzo, M. A. (2014). Katekhneticheskie sochineniya Feofana Prokopovicha [Catechisms of Feofan Prokopovich]. In *Slavyanskii almanakh. 2013*. Moscow, Indrik, pp. 263–280.

Koval'chuk, N., Yakubovska, V. (2018). Apostol'skaya missiya svyatykh Kirilla i Mefodiya v kontekste razvitiya fenomena slova v ukrainskoi kul'ture [The Apostolic Mission of Saints Cyril and Methodius in the Context of the Word Phenomenon in Ukrainian Culture]. In *Konstantinove Listy*. Vol. 11. No. 2, pp. 87–97. DOI 10.17846/CL.2018.11.2.87-97.

Kovaleva, T. V. (2014) Traditsii sozdaniya dukhovno-nravstvennoi literatury XVIII veka [Traditions of 18th-Century Moral Literature]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 2, pp. 61–69.

Lebedeva, O. V. (2019). Evropeiskaya dramaturgiya kak didakticheskii material: Mol'er i Gol'doni na urokakh russkogo yazyka velikoi knyagini Aleksandry Fedorovny [European Drama as Didactic Material: Moliere and Goldoni at the Lessons of Russian Great Duch-

ess Alexandra Fyodorovna]. In *Imagologiya i komparativistika*. No. 11, pp. 38–52. DOI 10.17223/24099554/11/2.

Legach, E. I. (2018). St Archbishop Luke Wojno-Jasieniecki against the Ideology of Separating Science and Religion. In *The Beacon: J. for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. Vol. 1. No. 2, pp. 1–16. DOI 10.5281/zenodo.3733798.

Lomakina, O. V., Mokienko, V. M. (2018). Tsennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo yazykov) [Value Constants of Rusin Paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian Languages)]. In *Rusin*. No. 4 (54), pp. 303–317. DOI 10.17223/18572685/54/18.

Mangilev, P. I., archpriest, Soboleva, L. S. (2014). Istoricheskii kontekst sozdaniya sbornika propovedei “Statir” i lichnost’ avtora [The Historical Context of Creating the Collection of Sermons *Statir* and the Identity of the Author]. In *Tserkov’. Bogoslovie. Istoriya. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii*. Yekaterinburg, Ekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya, pp. 134–144.

Morozov, P. O. (1880). *Feofan Prokopovich kak pisatel’* [Feofan Prokopovich as a Writer]. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva. 403 p.

Nadezhina, A. (1891). *Mitropolit Moskovskii Platon Levshin kak propovednik* [Moscow Metropolitan Platon Levshin as a Preacher]. Kazan’, Tsentral’naya tipografiya. 404 p.

Nichik, V. M. (1977). *Feofan Prokopovich* [Feofan Prokopovich]. Moscow, Mysl’. 192 p.

Paskal’, A. D. (2018). Neizvestnoe apokrificheskoe sochinenie “Skazanie Solomona kako yasti vo vsya dni” v slavyano-moldavskoi knizhnosti XV–XVI vv. [Unknown Apocrypha *The Legend of Solomon on Everyday Healthy Eating (Kako yasti vo vse dni)*] in the Slavic-Moldovan Literature of the 15th–16th Centuries]. In *Rusin*. No. 4 (54), pp. 13–32. DOI 10.17223/18572685/54/2.

Pekarskii, P. P. (1862). *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom v 2 t.* [Science and Literature in Russia under Peter the Great. 2 Vols.]. St Petersburg, Izdatel’sтво Tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za”. Vol. 1. [8], VI, 578 p.

Petrikova, A., Plishkova, A. (2019). Analiz slovoobrazovatel’nykh sposobov i tipov v rusinskom yazyke [Analysis of Word-Formation Methods and Types in the Rusin Language]. In *Rusin*. No. 55, pp. 353–370. DOI 10.17223/18572685/55/18.

Petrov, L. A. (1957). *Filosofskie vzglyady Prokopovicha, Tatishcheva i Kantemira* [The Philosophical Views of Prokopovich, Tatishchev, and Kantemir]. Irkutsk, Irkutskoe knizhnoe izdatel’sтво. 88 p.

Pigarev, K. V., Fridlender, G. M. (1988). Feofan Prokopovich [Feofan Prokopovich]. In *Istoriya vseмирnoi literatury v 9 t.* Moscow, Nauka. Vol. 5, pp. 363–365.

Platon, archb. (1774–1792). *Pouchitel’nye slova svyateishago pravitel’stvuyushchago Sinoda chlena, preosvyashchenneishago Platona, arkhiepiskopa Moskovskogo i Kaluzhskago, i Svyatotroitskaya Sergievy Lavry svyashchenno-arkhimandrita propovedannyya v 13 t.* [The Sermons of Platon, Member of Governing Synod, Archbishop of Moscow and Kaluga, and Reverend Archimandrite of St Sergius Trinity Lavra, 13 Vols.] Moscow, Tipografiya Meiera.

Rozanov, N. P. (1913). *Moskovskii mitropolit Platon (1737–1812 g.)* [Moscow Metropolitan Platon (1737–1812)]. St Petersburg, Obshchestvo revnitelei russkogo istoricheskogo prosveshcheniya. 99 p.

Samarin, Yu. F. (1880). Stefan Yavorskii i Feofan Prokopovich [Stefan Yavorsky and Feofan Prokopovich]. In Samarin, Yu. F. *Sochineniya v 12 t.* Moscow, D. Samarin. Vol. 5. 464 p.

Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul’tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary Russian Culture. The Early Modern Period]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur. 896 p.

Sharov, K. S. (2019a). Sakralizatsiya imen v bogoslovskikh traditsiyakh Vostochnoi Evropy vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII vekov [The Sacralisation of Names in the East European Theological Traditions of the Second Half of the 17th and Early 18th Centuries]. In *Konstantinove Listy*. Vol. 12. No. 1, pp. 129–140. DOI 10.17846/CL.2019.12.1.129-140.

Sharov, K. S. (2019b). Mifologicheskaya obuslovlennost’ ponimaniya imen sobstvennykh kak lingvokul’turnykh znakov v zapadnorusskoi literaturnoi gomiletike kontsa XVII

veka [The Mythological Dependency of Understanding Proper Names as Linguistic Cultural Signs in West Russian Literary Homiletics of the Late 17th Century]. In *Rusin*. No. 56, pp. 126–148. DOI 10.17223/18572685/56/8.

Smirnov, V. G. (1994). *Feofan Prokopovich* [Feofan Prokopovich]. Moscow, Soratnik. 224 p.

Soboleva, L. S., Golendukhina, M. A. (2019). Polifoniya samoidentichnosti v “Zhitii” protopopa Avvakuma [Polyphony of Self-Identity in the *Life* of Archpriest Avvakum]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 4, pp. 46–60. DOI 10.17223/18137083/69/5.

Starikova, G. N. (2017). Homo Loquens v zerkale imen narodnoi kul’tury (na materiale russkogo i rusinskogo yazykov) [*Homo Loquens* as Reflected in the Names of Popular Culture with Reference to the Russian and Rusin Languages]. In *Rusin*. No. 2 (48), pp. 140–157. DOI 10.17223/18572685/48/10.

Stefan Jaworski, Metr. (2014). *Sochineniya* [Works]. Saratov, Nauchnaya kniga. 510 p.

Stefan Jaworski, Metr. (2017). *Neizdannye sochineniya* [Unpublished Works]. Saratov, Nauchnaya kniga. 480 p.

Taneski, M. (2018). Epos cirillo-metodiada v peripetiách literárnohistorickej recepcie. In *Konstantinove Listy*. Vol. 11. No. 2, pp. 143–150. DOI 10.17846/CL.2018.11.2.143-150.

Feofan Prokopovich. (1961). *Sochineniya* [Works]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. 503 p.

Feofan, archbishop of Novgorod. (1760–1765). *Slova i rechi pouchitel’nye, pokhval’nye i pozdravitel’nye v 4 ch.* [Instructive, Commendable and Congratulatory Words and Speeches. 4 Parts]. St Petersburg, Sukhoputnyi shlyakhetskii kadetskii korpus.

Vinogradov, V. P. (1914). *Nasledie mitropolita Platona v istorii Moskovskoi dukhovnoi akademii* [Metropolitan Platon’s Heritage in the History of the Moscow Spiritual Academy]. Sergiev Posad, Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoi lavry. 26 p.

Zhilyakova, E. M. (2019). Obraz “polevogo tsvetka” v estetike i tvorchestve ranнего F. M. Dostoevskogo (K probleme: F. M. Dostoevskii i Onore de Bal’zak) [The Image of the “Wild Flower” in the Aesthetics and Early Works by F. M. Dostoevsky (On the Issue: F. M. Dostoevsky and Honoré de Balzac)]. In *Imagologiya i komparativistika*. No. 12, pp. 67–89. DOI 10.17223/24099554/12/4.

Zubov, V. P. (2001). *Russkie propovedniki* [Russian Preachers]. Moscow, URSS. 232 p.

The article was submitted on 27.12.2018